

Савицкая Е.В. ©

Аспирант, кафедра английской филологии,
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ЯЗЫКОВЫЕ ЛАКУНЫ: ИНТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация

В статье обосновывается внутриязыковой подход к проблеме лагун. Доказывается, что лагуны являются интралингвистическим феноменом. Уточняется предмет лагунологии.

Ключевые слова: языковая лагуна, парадигмальная ячейка, лагунарная единица, лагунарная форма.

Keywords: language lacuna, paradigm cell, lacunary unit, lacunary form.

По логике вещей, языковая лагуна – наличие пустующей ячейки в парадигме – представляет собой внутриязыковой феномен. Так она вначале и трактовалась. Но в середине XX века Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне [10] ввели в лингвистический обиход термин *межъязыковая лагуна*.

Как известно, термины отчасти конвенциональны. В известных пределах им можно придавать те значения, какие считают нужным ученые; требуется лишь специальная оговорка. Так отчего бы не уравнивать значения терминов *лагунарность* и *безэквивалентность*, как это и делают многие лингвисты?

Имеются веские основания полагать, что межъязыковая трактовка лагуны выходит за допустимые пределы произвольного толкования термина; мы придерживаемся внутриязыковой трактовки лагуны и постараемся показать, что она противоречит самой сущности понятия ‘лагуна’ (пробел, нехватка).

Давно стало «общим местом» утверждение о том, что язык – это система, в которой «одно явление может быть обусловлено другим или же само обуславливает другое явление ... Каждый элемент ... связан со множеством других элементов ... системы» [1, 14]. Но именно вследствие тривиальности этого утверждения его порой упускают из виду. В частности, исследователи иногда не учитывают, что лагуна – это отсутствие единицы или формы не просто в языке, а в совершенно определенной ячейке некоторой парадигмы, и эта ячейка имеет установленную конфигурацию.

С. Ульманн охарактеризовал лексические парадигмы (поля) как «области со сложной организацией, состоящие из ... противопоставленных элементов, которые получают свое значение в рамках всей системы как единого целого ... В каждом поле соответствующая сфера опыта ... делится ... уникальным способом, ... с помощью определенной шкалы значимостей» (цит. по: [3, 19]). Произвольно взятые элементы других языков не могут повлиять на эту структуру уже самим фактом своего существования.

Системный подход предполагает, что если в языке В нет эквивалента для единицы или формы языка А, это не означает, что в соответствующем поле языка В непременно есть пустующая ячейка для эквивалента. Если не учитывать это обстоятельство, то в рассматриваемом языке исследователю порой чудятся фантомные лагуны.

На наш взгляд, при межъязыковой трактовке лагун принцип системности языка принимается во внимание недостаточно. Между тем в применении к лагунам он требует учета следующих положений системологии.

- В парадигме все элементы взаимосвязаны единой структурой.
- Каждый элемент имеет свою значимость (по Ф. де Соссюру, «ценность»), определяемую его местом в парадигме.

- Это место (ячейка) имеет конфигурацию, обусловленную отношениями элемента со смежными элементами в парадигме.
- Если тот или иной элемент системы отсутствует, то в парадигме для него имеется пустая ячейка (лакуна), чья конфигурация влияет на структуру поля так же, как конфигурация заполненной ячейки.
- Постулировать лакуну в парадигме, мысленно вставив в нее какой-либо иносистемный элемент, значит переключить всю структуру этой парадигмы.
- По форме и положению ячейки можно судить о некоторых свойствах отсутствующего элемента.
- Парадигму можно представить в виде матрицы, координаты которой соответствуют параметрам структуры парадигмы; недостающий элемент реконструируется по координатам матрицы.
- Лишь «свой» (системный) элемент имеет ячейку в парадигме; для «чужих» (иносистемных) элементов в ней нет вакантных ячеек (лакун).

Лакуна – не ничто; это вещь объективно существующая и определенная. Она предполагает наличие пустой парадигмальной ячейки некоторой конфигурации, которая устанавливается через координаты матрицы. Лишь тогда можно говорить о том, что парадигма имеет структуру. Если же мы станем без счета мысленно вставлять в систему языка неограниченное количество иноязычных единиц и на этом основании постулировать в данной системе лакуны, то окажется, что парадигма – это не структурированный фрагмент «мозаичного панно», а аморфный «зыбучий песок», куда можно вставлять что угодно и сколько угодно. При межъязыковом подходе к лакунам системность языка оказывается под вопросом.

Правда, строгость языковой системы снижается по мере подъема по уровням. Мы солидарны с тезисом Г.В. Быковой: «Лексико-семантическая система ... является не только наименее жесткой, но и наиболее подвижной и сложной по своей ... структуре, где наблюдаются ... случаи асимметрии формы и содержания» [2, 6]. Но коль скоро мы всё же признаём системность лексического фонда, перечисленные положения системологии следует учитывать всякий раз, когда речь заходит о лексических лакунах.

Лакуны (пустые ячейки) в объекте могут быть установлены как раз в том случае, если объект имеет четкую структуру; если он структурирован слабо, а тем более аморфен, то выявить лакуны в нем трудно, а то и невозможно – подобно тому, как в мягком шмате сала нет заранее подготовленных дырок, куда засольщик намеревается вставлять дольки чеснока. Поверхность сала гладкая, в ней нет дырок. Дырки появляются тогда, когда дольки чеснока втискиваются в сало, раздвигая рыхлое вещество. Аналогичным образом, в лексико-фразеологическом фонде, если он рыхлый (аморфный), нет лакун для иноязычных элементов. Если же он достаточно четко структурирован, то лакуны в нем имеются, но они не созданы иноязычными элементами, не соответствуют им по конфигурации и не предназначены для них.

По данным словарей, *отсутствовать* значит не просто ‘не находиться’, а ‘не находиться **в определенном месте**’. Так, школьник может отсутствовать на уроке, но не на заседании Кабинета министров. Он там не отсутствует; его там просто нет. Аналогично, в системе **нет** чужих (иносистемных) элементов, но **отсутствует** в ней лишь свой собственный (системный) элемент.

На этом основании дадим определение: лакуна – это реальное отсутствие в системе ее собственного элемента, которое подразумевает его виртуальное присутствие. Отсутствующий элемент называется лакунарным. В частности, языковая лакуна – это реальное отсутствие в языке его единицы или формы, которая присутствует там виртуально и является лакунарной по отношению к данному (а не иному) языку. Если лакуна есть отсутствие элемента в системе, то это – отсутствие **своего** элемента, не имеющее отношения к другим языкам, а если элемент в системе не отсутствует, а его в ней просто нет, то нет и лакун; в противном случае лакуну нельзя трактовать как отсутствие.

Лакуна есть **нехватка** (недостача) элемента в комплекте. В нем может не хватать своего элемента, но никак не чужого. Так, в комплекте шахматных фигур может не хватать пешки, но нельзя сказать, что в нем не хватает шашки, хотя ее и вправду там нет. Когда фигуры

выстраиваются на доске перед началом игры, остается пустая клетка для недостающей пешки, но для шашки пустой клетки нет. Дело в том, что шахматный комплект – система. Язык – тоже система (параллель с шахматами проводил еще де Соссюр).

Проведем еще одну наглядную аналогию. В мозаичном панно могут иметься пустые ячейки от его собственных выпавших фрагментов, однако в нем нет ячеек требуемой конфигурации для фрагментов других мозаичных панно. В этом плане языковая парадигма сходна с мозаикой, а иноязычная единица / форма – с чужим фрагментом. Лишь в том случае, если структуры двух парадигм на каком-либо участке изоморфны (такое бывает, например, в интернациональной терминологии), то единица языка А по конфигурации может совпасть с пустой ячейкой в языке В.

Например, русский термин *катет* вписывается в пустующую ячейку английской геометрической терминосистемы (в ней нет лексемы для катета; катет обозначается неустойчивыми словосочетаниями типа *sides about the right angle of a triangle, trigon legs forming the 90° angle*). Но это не значит, что данная английская лакуна носит межъязыковой характер: ведь она не зависит от наличия названия для катета в русском или ином языке.

Отсутствие языковой единицы / формы в одном месте предполагает ее присутствие в другом; многие лингвисты полагают, что этим другим местом является другой язык. (Отсюда проистекает отождествление лакунарной единицы / формы языка В с безэквивалентной единицей / формой языка А, ведущее к противоречиям.) Однако единица / форма языка В не может присутствовать в языке А – именно потому, что она для него чужая. Тогда где же она присутствует? Согласно нашей трактовке, она присутствует не в языке А, а в **виртуале** всё того же языка В.

Что такое виртуал языка? Толкуя это понятие, примем во внимание оппозицию «идеальная система :: ее практическая реализация». В философии она выражена в Платоновой антитезе «идея вещи :: ее воплощение», а в лингвистике – в Ельмслевской антитезе «языковая схема :: языковая норма».

Виртуал языка – это то, что существует в его схеме, но не реализуется в норме (хотя может реализовываться окказионально). Так, все английские глаголы могут образовывать форму Present Continuous, но в норме глаголы, обозначающие чувства, в этой форме не употребляются, поскольку чувства, в отличие от эмоций, не являются сиюминутными состояниями. Но, не реализуясь нормативно, она реализуется окказионально, например: 1) I don't mean to be rude. But tonight **I'm loving** you! Oh you know that tonight **I'm loving** you! <en.lyrsense.com/enrique_iglesias/tonight_ei>; 2) Dear Met, **I'm really hating** you right now <<http://www.soulcysters.net/showthread>>.

Точно так же «по законам русского языка деепричастие может быть образовано от каждого глагола», но у ряда глаголов «деепричастия ... не употребительны» [7, 562]. Так, словоформы **пляшá* и **пишá* существуют в схеме русского языка виртуально. В норме они не произносятся и не пишутся, но мыслятся (любой носитель русского языка может правильно образовать их). По Л. Ельмслеу [5], языковая единица, произнесенная, написанная или мыслимая – это одна и та же единица. Ее виртуальное бытие подтверждается тем, что она реализуется в речи окказионально, например: 1) «Мать: Ни стыда, ни совести! И в гроб пойдет **пляша**» (М. Цветаева). 2) «Творю и творю неустанно, // И денно, и ночью **пиша**» (Г. Борина).

Как реальные, так и виртуальные (лакунарные) единицы / формы бытуют в схеме языка как **знаки-типы**. Разница между ними, по сути дела, носит статистический характер: она состоит в том, что первые регулярно, а вторые лишь спорадически реализуются в речи в качестве **знаков-событий**, подобно тому, как по одним литейным матрицам часто, а по другим лишь от случая к случаю отливаются изделия. В Интернете нами обнаружено несколько примеров окказионального употребления английского глагола to like в форме Present Continuous (**I am liking** this song) и русского причастия буд. времени *умрущий*: «Детей пересылают в другие места ... Остается последний, вот-вот **умрущий** ребенок» (С. Воложин). Значит, нельзя сказать, что эти формы не существуют вообще; они отсутствуют в норме (не употребляются регулярно, т.е. нормативно), но присутствуют в схеме языка.

По Л.Ельмслеву [5], язык, воплощаясь в разных субстанциях (звуковой, буквенной, в виде точек и тире кода Морзе, жестов морской флажковой сигнализации и др.), остается всё тем же языком. Субстанция варьируется, но сохраняется структурный инвариант языка. Значит, язык идентифицируется в его качественной определенности не по субстанции, а по структуре. Язык – не структура, а система (структура + субстанция). Но, поскольку субстанция носит переменный характер, одна и та же языковая структура воплощается в разных внешних субстанциях и во внутренней (мозговой) субстанции. Это значит, что виртуальные языковые единицы и формы (такие, как англ. **will be being done* или рус. **мечт*) тоже существуют в языке – ведь они известны носителям языка – но в основном во внутренней субстанции, а во внешней они воплощаются не регулярно (не нормативно), а лишь окказионально.

Языковая лакуна – это не просто пустота, а пустота, содержащая виртуальный (лакунарный) элемент, притом не чужого, а данного языка. В этом смысле лакуна есть одновременно небытие и бытие (М. Хайдеггер [8] трактовал отсутствие как модус бытия – виртуальное бытие). Напрашивается параллель с пониманием вакуума в квантовой механике: вакуум – это не просто пустота, а пространство, заполненное виртуальными элементарными частицами, которые при некоторых условиях переходят в реальный мир. Аналогично, виртуальная единица / форма, конструируемая по законам данного языка, при определенных условиях может стать реальной. На этом основан потенциал формо-, слово- и фразообразования.

Например, идея путешествий во времени долго муссировалась в мировой литературе, но наименование *time machine* возникло лишь в начале научно-технической эры. Его создал Г. Уэллс в одноименном романе (1895). К тому моменту оно уже витало в воздухе цивилизации и было предуготовлено зарождением нового мышления. Оно появилось как окказионализм и вначале было спорадической реализацией виртуальной языковой единицы, но затем стало всё регулярнее употребляться и таким путем постепенно превращаться в реальную английскую языковую единицу. Ныне оно широко используется и без связи с романом Г. Уэллса, в несколько иных значениях: так в наше время называются электронные устройства, связанные с прогнозированием (выпуска новой продукции, коммерческого спроса и др.). Виртуальная единица *time machine* получила «путевку в жизнь» и стала реальной.

«В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека», – отметил К. Маркс [6, 189]. Будущее цивилизации и культуры сначала возникает в виртуальном пространстве когнитивного мира людей в виде замысла, плана, программы, а уж затем реализуется в физическом пространстве реального мира (хотя зачастую не в точном соответствии с замыслом, но, во всяком случае, в большей или меньшей причинной связи с ним). Хоть и говорится: «Человек предполагает, а Бог располагает», а также «Когда люди говорят о будущем, боги смеются», хоть и посмеялся Вольт над Берлиозом, строившим планы на ближайший вечер, а всё же будущее прорастает в настоящем, формируясь как равнодействующая человеческих планов и объективных обстоятельств. «Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его», – писал о будущем Н.Г. Чернышевский [9, 154].

Если в лингвокультуре уже имеется понятие или концепт, занимающий ячейку в ее семантической системе, но для него еще нет нормативного десигнатора, а есть лишь окказиональный десигнатор, имеются основания именовать его лексической или фразовой лакунарной единицей, а его отсутствие в лексико-фразеологическом фонде языка (при наличии ячейки в семантической системе) может называться лакуной. Мы согласны с Г.В. Быковой: лакуна – это «смысловое содержание до его объективации в новом слове» [2, 45] или попросту «семема без лексемы» [4, 8].

Одни лакунарные (виртуальные) единицы, переходя в языковую норму, становятся реальными (порой с изменением исходного значения) и тем самым заполняют лакуну, а другие так и остаются лакунарными либо уходят из языка вместе с ячейками. Так (путем фильтрации) пополняется реальный лексико-фразеологический фонд языка из своего «запасника» – виртуала.

Итак, безэквивалентность и лакунарность не тождественны и не жестко взаимно обусловлены. Одни единицы и формы безэквивалентны (не имеют эквивалентов в других

языках), а другие лакунарны (реально отсутствуют, но виртуально присутствуют в своем языке). Это разные языковые явления и разные лингвистические проблемы.

Проблема безэквивалентности ставится в межъязыковом плане в рамках сравнительной типологии языков, теории перевода, лингвострановедения, лингвокультурологии, теории межъязыковой идиоматичности, а проблема лакунарности – во внутриязыковом плане в рамках теории формо-, слово- и фразообразования, дистрибутивного анализа, структурного описания языка.

Лакунология, в соответствии со своим названием, должна исследовать лакунарные, то есть виртуальные единицы и формы языка. Вместо них она исследует безэквивалентную лексику и фразеологию, языковые реалии, идиоэтнические элементы языка. В этой области достигнуты большие успехи, но эта отрасль науки должна, на наш взгляд, называться не лакунологией, а лингвистической идиоэтнистикой или эндемистикой. Лакунология же (в точном смысле слова), по нашему мнению, должна затрагивать такие темы, как языковая парадигматика, отношение между языковой схемой / нормой / узусом, потенциал языка и его реализация, механизмы глоттогенеза, полевое строение языка, когнитивный субстрат языка.

Мы всецело поддерживаем изучение безэквивалентных языковых единиц и форм. Но, на наш взгляд, во избежание противоречий не следует при этом пользоваться термином *межъязыковая лакуна*, ни приравнивая его к термину *безэквивалентная единица / форма*, ни противопоставляя их как жестко взаимообусловленные. Однако наша аргументация направлена не на то, чтобы заменить термин *межъязыковая лакуна* каким-либо иным, а на то, чтобы выявить сущность языковой лакуны, разграничить проблему лакун и проблему безэквивалентности и тем самым сменить единый подход на два разных подхода, более адекватных сущности этих феноменов.

Литература

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2010. – 232 с.
2. Быкова Г.В. Словарь несуществующих слов: фантастика или реальность? // Лакуны в языке и речи: Сб. статей. – Благовещенск: изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 20 – 27.
3. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. – Благовещенск: изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2003. – 276 с.
4. Быкова Г.В. Явление лакунарности на уроках русского языка в школе. – Благовещенск: изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2005. – 87 с.
5. Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 103 – 110.
6. Маркс К. Капитал, том I // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. – Том 23. – М.: Госполитиздат, 1954. – 840 с.
7. Русская грамматика // ИРЯ АН СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rusgram.narod.ru/index1.html
8. Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
9. Чернышевский Н.Г. Что делать? – М.: Азбука, 2012. – 448 с.
10. Vinay J., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. – Paris: Didier, 1958. – 331 p.